

Государство Юйтянь

Мысленно он кричал во весь голос, но вслух не произнёс ни звука.

Цюй Юньме бросил взгляд в ту сторону, куда ушла Даньжань, затем снова повернулся к столу, уставленному остатками чая и кожурой от фруктов. Закончив с приготовлениями, он как ни в чём не бывало спросил Сяо Жуна:

— Ты виделся с Хуан Кэцзи?

Сяо Жун промолчал. Он сделал вид, что не расслышал.

Сегодня у юноши было неплохое настроение, поэтому он решил простить правителю эту выходку и не стал придираться. Оправив полы одеяния, Сяо Жун снова сел и, сняв чайник, заглянул в жаровню под ним. Помешивая щипцами угли, он ответил:

— Виделся. Этот ребёнок многое перенёс. Он прекрасно видит, как к нему относится Хуан Яньцзюнь, и в его сердце горит обида. Он не хочет уходить так просто.

— И чего же он хочет? — не понял Цюй Юньме. — Как ни крути, Хуан Яньцзюнь — его дядя. Не может же он поднять на него руку.

В этом и заключалась самая уродливая сторона нынешних нравов: отец мог убить сына и остаться безнаказанным, но если сын ослушается отца, его бросят в темницу. Даже если власти не упекут такого сына за решётку, стоит слуху об этом просочиться, как тут же набегут «борцы за справедливость» и проучат его. Избиение будет самым лёгким наказанием. Куда страшнее, если это привлечёт внимание наёмных убийц из Учения Чистого Ветра, которые без лишних слов лишат его жизни, а потом будут повсюду трубить о своём благородном поступке.

И самое ужасное, что таков был обычай. От императорской семьи до простого люда — все считали это нормой. Хуан Яньцзюнь хоть и не был отцом Хуан Кэцзи, но он был его дядей, а в слове «дядя» тоже есть корень «отец», так что племянник не мог открыто пойти против него.

После вопроса Чжэньбэй-вана в беседке повисла тишина, нарушаемая лишь шумом водопада, бьющегося о камни, и тихим треском углей. Сяо Жун тоже сделал вид, что не расслышал вопроса. Внезапно он отложил щипцы и снова перевёл разговор на Даньжань:

— Я сделал деве Даньжань одно предложение. Интересно, что думает об этом государь?

Предложение Сяо Жуна заключалось в том, чтобы племя Бутэу начало бесплатно оказывать

медицинскую помощь. Его собеседник на мгновение замер. Он не возражал, но...

— Лоу и остальные не любят незнакомцев.

— Не любят незнакомцев или не любят жителей Срединной равнины? — уточнил советник.

Цюй Юньме поджал губы.

— И то, и другое. Племя Бутэу не привыкло общаться с чужаками, а жители Срединной равнины... довольно враждебно настроены к иноземцам.

— Жители Срединной равнины враждебны к варварам, — с улыбкой поправил Сяо Жун. — Внешность людей из племени Бутэу несколько отличается от нашей, поэтому их всех огулом причислили к варварам. Достаточно лишь всё разъяснить. Сначала пусть они поделятся своими медицинскими знаниями. Отношения между врачом и пациентом сблизят два народа, у горожан сложится о них благоприятное впечатление. А затем мы донесем до людей мысль, что Бутэу — это не варвары. Чем дальше вы держитесь друг от друга, тем напряжённее становятся ваши отношения. Неужели государь хочет, чтобы его сородичи по материнской линии вечно жили за пределами города? Неужели вам не больно видеть, как их постоянно не понимают?

Цюй Юньме нахмурился. Хотя слова Жун-эра и тронули его, он всё же чувствовал неладное.

— Ты не иноземец. Ты не знаешь, как трудно сделать этот шаг.

Сяо Жун помолчал, а потом тихо рассмеялся.

— Государь прав, я действительно не могу в полной мере прочувствовать это. В таком случае, не стоит вам ломать над этим голову. Пусть это будет просто приказ, который нужно отдать подчинённым. В будущем государю придётся отдавать ещё много подобных приказов, и не каждый из них будет встречен с радостью. Человек стремится к собственной выгоде — в этом нет ничего дурного. Но вы, как правитель, как господин для всех, должны думать не об одном человеке или одном племени, а обо всех людях и всех народах.

Цюй Юньме с сомнением смотрел на Сяо Жуна. Встретив его взгляд, тот понизил голос:

— Племя Бутэу — это только начало. В этом мире слишком много страдающих народов. Варвары жестоки. Когда они не совершают набеги на Срединную равнину, они притесняют другие племена. Да и внутри самих варварских племён не все готовы жить, питаясь сырым мясом и кровью. Некоторые, родившись в семье варвара, всем сердцем тянутся к цивилизованному и просвещённому государству. Государю тоже доводилось скитаться. Каково это — не иметь дома? Каково это — везде чувствовать себя чужаком?

Великий ван не ответил на вопрос, вместо этого он настороженно посмотрел на юношу.

— Сяо Жун, чего ты на самом деле добиваешься? — его голос стал строже. — Ты хочешь привечать иноземцев в столице?! Это бредовые мечты, иноземцам нельзя доверять!

Сяо Жун замер. Он не ожидал такой бурной реакции и понял, что время ещё не пришло. Его глаза сверкнули, и он тут же сменил тон:

— Государь, не волнуйтесь, я не настолько наивен.

Напряжённая спина Цюй Юньме слегка расслабилась, но взгляд оставался недружелюбным.

— Тогда к чему были все эти слова?

Опасаясь снова его спровоцировать, Сяо Жун помедлил, прежде чем ответить:

— О будущем поговорим позже. Принимать иноземцев — это очень серьёзный шаг, и я не стану его рассматривать, пока государь не укрепит свою власть. Мой замысел в том, чтобы для начала племя Бутэу явило себя миру, чтобы люди увидели, что они миролюбивы и владеют искусством врачевания. Их добрая слава станет и вашей доброй славой. Кроме того, это будет дружественным сигналом. Государю известно о жужанях, враждующих с сяньби? А о государстве Шаньшань, с которым вы заключили договор о ненападении? Жизнь в этих странах тоже нелегка, многие оттуда уходят в наёмники. Но какие гарантии у наёмника? Один шаг — и ты наёмник, другой — и ты уже разбойник.

При упоминании жужаней выражение лица Чжэньбэй-вана стало странным.

Жужани и сяньби на самом деле были одним народом, но после междоусобиц и раскола превратились в два разных государства. В период своего расцвета сяньби даже запрещали называть жужаней их именем, именуя их «жужу», что означало, что они не люди, а копошащиеся черви.

Сяньбийцы были поистине бесчестны. Жужани, будучи слабее, могли лишь молча терпеть. Позже, когда сяньби ослабли, жужани немедленно вернули себе имя. Когда варвары вторглись за заставу Яньмэнь, жужаней среди них действительно не было. Сяньбийцы по-прежнему их презирали и не брали с собой. Но сказать, что Цюй Юньме испытывал к жужаням симпатию, было бы невозможно. Они, может, и не вторгались массово на Срединную равнину, но все прочие грязные дела, которыми промышляли другие варвары, были им не чужды.

Но Цюй Юньме в целом понял мысль Сяо Жуна:

— Поскольку во мне течёт кровь Бутэу, а мои подданные принимают их существование, в глазах мира создастся впечатление, что я отношусь к иноземцам более дружелюбно. И тогда те, кто бежит из своих земель, в первую очередь придут ко мне, чтобы предложить свои услуги.

— Именно, — улыбнулся советник. — Таким образом, нанимая их, государь сможет сбить цену. Истинные наёмники, готовые на всё ради денег, всё равно пойдут к тому, кто заплатит больше. Это будет своего рода отбор. Те, кто дорожит жизнью и хочет мирно жить, придут к вам, а отчаянные головорезы окажутся на землях других. Впереди нас ждёт ещё немало больших и малых войн. Армия Чжэньбэй — ваша главная опора, её не стоит трогать по мелочам. А вот эти иноземцы могут помочь в менее значительных делах.

Цюй Юньме посмотрел на Сяо Жуна и вдруг усмехнулся с непонятым выражением. Положив руку на каменный стол и поигрывая целым фруктом, он тихо произнёс:

— Раньше моей опорой, возможно, и была армия Чжэньбэй, но теперь — нет. Теперь моя опора — это ты.

Сяо Жун замер. Такая внезапная и высокая похвала смутила его. Он быстро моргнул несколько раз и неуверенно произнёс:

— Спасибо, государь?

Услышав вопросительную интонацию в его голосе, Чжэньбэй-ван снова усмехнулся. Он был человеком сдержанным, и его эмоции ярко проявлялись лишь в гневе. Сяо Жуну стало не по себе. Такой государь был ему непривычен. Чтобы прервать это состояние, он решительно спросил:

— Мне всё же очень любопытно, чего именно боялся государь? Что такого могла сказать мне дева Даньжань?

Эффект был мгновенным. Странная атмосфера тут же испарилась. Цюй Юньме выглядел так, будто хотел вспылить, но не мог, и лишь глухо проворчал:

— Я не боялся!

Выражение лица Сяо Жуна едва заметно изменилось. Он думал, что хорошо это скрыл, но собеседник тут же всё понял. На его лице было написано: «Ну да, как скажешь». Глаза Цюй Юньме сверкнули, и ему в голову пришла внезапная мысль.

— Даньжань — посмертный ребёнок моего старшего брата. Я боялся не того, что она тебе скажет, а того, что ты скажешь ей.

— А что я мог ей сказать? — в полном недоумении спросил юноша.

«Я ведь не Цюй Юньме, — подумал Сяо Жун. — Я такой добрый, такой милый и стойкий. Я никогда не обижу ребёнка!»

Великий ван мог читать по его лицу, но сложные выражения ему не давались. Сейчас он видел лишь, что советник, кажется, хвалит себя, но не догадывался, что тот уже вознёс себя до небес.

— Даньжань вырастила Лоу. После смерти моего брата невестка сама передала девочку в руки главы, чтобы та стала полноправной частью племени Бутэу. Если не случится ничего непредвиденного, она станет следующей главой племени. У тебя всегда столько идей. Что, если ты повлияешь на неё, и она захочет вернуться к своей ханьской идентичности? Что тогда делать?

Брови Сяо Жуна тут же взлетели вверх.

— Но это будет её собственный выбор! Если пара моих слов сможет изменить её решение, значит, оно и не было твёрдым. Разве это можно считать моей виной?

Сяо Жун был недоволен, потому что это напомнило ему о собственном опыте. В детстве он хотел заниматься танцами, родители были согласны, но бабушка — нет. В итоге он потерял два года. Теперь, сталкиваясь с подобными ситуациями, он злился за других. Дети малы, но не глупы. Неужели она не знает, чего хочет на самом деле!

Юноша уже приготовился к большой ссоре, но Цюй Юньме отвёл взгляд и втайне облегчённо вздохнул.

«Он поверил. Он и вправду поверил! Ха-ха-ха, а Сяо Жун не так уж и умён»

Он думал, что на этот день закончится, но перед сном случилось непредвиденное. Чжоу Лян сбежал.

Первым его побег, конечно же, обнаружил Хуан Яньцзюнь, но это было постыдно, поэтому он не сразу сообщил остальным. Лишь когда найти беглеца не удалось и скрывать пропажу стало невозможно, инспектор вернулся с мрачным лицом и в ярости заявил, что непременно разорвёт того на куски.

Сяо Жун уже лежал в постели, когда стражник доложил ему эту новость. Он тут же вскочил, накинул одежду и поспешил наружу, где столкнулся с Гао Сюньчжи.

— Когда сбежал Чжоу Лян? — встревоженно спросил он.

— Примерно в час Овцы, — нахмурился господин Гао. — А Жун, государь отправился за ним в погоню.

Сяо Жун рассеянно кивнул и, лишь осознав сказанное, изумлённо переспросил:

— Государь погнался за Чжоу Ляном?!

Гао Сюньчжи нахмурился ещё сильнее.

— Да. Человек Хуан Яньцзюна сбежал, зачем государю лично его преследовать? В этом нет никакой необходимости.

Сяо Жун смутно догадывался о мыслях Цюй Юньме. В конце концов, тот так долго воздерживался, и вот, когда наконец представилась возможность схватить добычу, он, конечно, не хотел её упускать. Во всей армии Чжэньбэй не было лучшего преследователя, чем государь. Если он отправился в погоню, остальным там делать было нечего. В итоге советник и канцлер переглянулись и решили вернуться спать.

На рассвете, окутанный утренней росой, вернулся Цюй Юньме.

Сяо Жун накануне спал слишком долго и сегодня вернулся к обычному режиму. Теперь он вставал с рассветом и ложился с закатом. Сон у него был чуткий, и, услышав шум снаружи, он тут же проснулся. Выйдя наружу, он увидел государя, разговаривавшего с Цзянь Цяо, и быстрым шагом подошёл к ним.

— Поймали?

— Нет, — недовольно ответил Цюй Юньме. — По пути не встретил и следа Чжоу Ляна. В одиночку он не мог уйти так быстро. Вероятно, переоделся и где-то спрятался.

Этот ответ ничуть не удивил Сяо Жуна. В истории Чжоу Лян тоже успешно сбежал от Хуан Яньцзюна, но на этот раз это случилось раньше. Куда он направится? Неужели снова к Хэ Тинчжи? Но если он и вправду окажется у него, Сяо Жун ничего не сможет с этим поделать.

Юноша покачал головой.

— Что ж, сбежал так сбежал. Впредь будем бдительнее. Государь, Чжоу Лян — всего лишь мелкий человек. Стоило ли вам лично за ним гоняться, да ещё и впустую?

Цзянь Цяо с изумлением посмотрел на Сяо Жуна. Несколько дней не виделись, а господин Сяо стал ещё смелее. Однако Цюй Юньме отнёсся к его словам без возражений и, расстёгивая доспехи, бросил:

— Всё равно делать было нечего. Ничего страшного.

— Ничего страшного? — юноша поднял бровь. — Государь не спал всю ночь, разве не нужно отоспаться? Пока вы проснётесь, сколько дел накопится?

— Я не хочу спать, — отрезал государь.

Сяо Жун молча посмотрел на тёмные круги под его глазами.

«Думаешь, тебе всё ещё четырнадцать или пятнадцать? — Сяо Жун мысленно закатил глаза. — Тебе уже двадцать четыре! В этом возрасте люди уже отцы шестерых детей!»

Он снова покачал головой и, уходя, махнул рукой через плечо:

— Государь, отдыхайте. Вашими делами я займусь.

Вскоре его фигура скрылась за арочным проёмом. Цюй Юньме замер на мгновение. Уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке, и он продолжил снимать снаряжение. Наконец, передав наплечник стражнику, государь заметил, что Цзянь Цяо как-то странно на него смотрит.

— В чём дело?

Генерал и сам не знал, в чём дело. Просто, наблюдая за ними, он вдруг почувствовал необъяснимую зависть.

«Почему моя жена не может помочь мне с делами?..» — невольно подумал Цзянь Цяо.

В девять часов утра Сяо Жун отложил счётные книги и размял затёкшую шею. Убедившись, что вокруг никого нет, он начал делать растяжку. Танцоры, знаете ли, — растяжка, наклоны и всё такое.

Юноша прогнулся назад, и как только его руки коснулись пола, он услышал, как распахнулась дверь зала для совещаний. От неожиданности Сяо Жун, словно карп, выпрыгивающий из воды, одним рывком выпрямился. Скорость, с которой он это сделал, поразила Мицзина до глубины души. Сын Будды видел в Индии заклинателей, которые могли заложить ногу за ухо, но они делали это медленно, а не в одно мгновение.

Мицзин потрясённо смотрел на него, опасаясь, что Сяо Жун лишь кажется спокойным, а на самом деле его позвоночник переломлен. Тот с невозмутимым видом солгал:

— Я практикую особые упражнения. После того как я стал часто болеть, я встретил одного отшельника. Он научил меня комплексу, который продлевает жизнь. Сын Будды, не хотите попробовать?

Мицзин промолчал. Нет, он боялся, что после такой тренировки сразу отправится на встречу с Буддой. Оба почувствовали неловкость. Юноша пригласил гостя сесть и принялся заваривать чай.

У Сяо Жуна был свой ритуал. Он не любил варить чай, а предпочитал настаивать. И ещё он любил расставлять на чайном подносе маленькие фигурки, называя их «чайными питомцами». Хотя никто не понимал, зачем он это делает, процесс заваривания в его исполнении был поистине завораживающим. Каждое движение было плавным, словно текущая вода.

Мицзин смотрел, как вода омывает чайного питомца, и вдруг произнёс:

— Господин Сяо встречал в своей жизни много мудрецов.

Сяо Жун замер с чайником в руке.

— Большинство людей за всю жизнь не встречают ни одного, — сказал он с улыбкой. — Немногие встречают десять. А я — один из этих немногих. Такой опыт редок, но не невозможен.

— Истинно так, — кивнул Мицзин. — У меня сложилось впечатление, что вы — человек, которому суждено встретиться со многими.

«Человек, которому суждено встретиться со многими?»

Сяо Жун на мгновение задумался, находя эту фразу любопытной. Он протянул Сыну Будды чай и спросил:

— Вы пришли ко мне по какому-то делу?

— Не то чтобы это было что-то важное. Просто, когда я возвращался из Западного края, правители тамошних государств преподнесли мне дары. Монаху не нужны мирские вещи, но они могут пригодиться господину Сяо, поэтому я принёс их.

Глаза Сяо Жуна расширились. Он смотрел, как гость развязывает узел. Ткань развернулась, и блеск сокровищ едва не ослепил его.

«Чёрт возьми!!!» — мысленно ахнул Сяо Жун.

Жемчужины размером с кулак! Изумрудные браслеты! Чётки из ста восьми белоснежных бусин, каждая размером с глаз!

— Пойдите, это что, корона?!

Заметив его взгляд, Мицзин улыбнулся.

— Это корона правительницы государства Юйтянь. Правитель и правительница пригласили меня на пир, и она настояла на том, чтобы подарить мне эту вещь. Мне пришлось её принять.

Сяо Жун с ошеломлённым видом посмотрел на монаха.

«Ах ты, хитрец! Получил сокровище, да ещё и прибедняешься!»

Мицзин был не первым, кто совершал паломничество в Индию. За последние десятилетия по его пути прошли тысячи монахов. Но те либо погибали, либо возвращались нищими. Никто не возвращался таким, как он, — богатея с каждым шагом. Сяо Жун не мог даже представить, насколько популярен был Мицзин за границей. Ему дарили короны! Если бы он согласился, то, вероятно, тут же стал бы великим государственным наставником-магом.

Это также разрешило одно из сомнений юноши. Разведчики докладывали, что Сын Будды выглядит очень богатым. Сяо Жун тогда ещё удивлялся, откуда у монаха деньги.

— Когда армия Чжэньбэй впервые встретила вас, вы, должно быть, подумали, что они хотят взять с вас плату за проезд?

— Откуда господин Сяо знает? — удивился Мицзин.

«Так и думал», — с лёгкой усталостью улыбувшись, сказал Сяо Жун.

— Благодарю за щедрость, но всё это — дары, преподнесённые лично вам. Вам следует их беречь. Чэньлю действительно не богат, но не настолько, чтобы пополнять казну подобными вещами.

— Я знаю, что эти вещи, обращённые в золото, — лишь капля в море. Но это мой вклад в армию Чжэньбэй и город. Строительство столицы — дело важное, и вы в своей доброте не желаете обременять народ. Но дефицит нужно покрывать. Прошу, примите их, иначе я не буду знать покоя.

Юноша моргнул. Видя его настойчивость, он согласился.

— Хорошо. Но я не трону эти вещи без крайней необходимости. Особенно эту корону. Она символизирует дружбу между Юйтянем и Сыном Будды.

Мицзин улыбнулся. Сяо Жун улыбнулся ему в ответ, но внезапно замер и удивлённо произнёс:

— В Срединной равнине ведь немало торговых караванов из государства Юйтянь. Если я покажу им эту корону, они, вероятно, преподнесут множество даров?

Улыбка застыла на лице Мицзина. Видя это, Сяо Жун громко рассмеялся.

— Сын Будды, не волнуйтесь, я просто шучу.

Тот с облегчением вздохнул, но в следующую секунду услышал продолжение:

— Зачем просить дары? Нам нужны инвестиции. Сначала пригласим главу их каравана в Чэньлю в качестве гостя. Пусть он, из уважения к короне, построит здесь торговое представительство государства Юйтянь. В будущем все их караваны будут останавливаться в Чэньлю. А если они захотят торговать с Южной Юн, нет ничего проще. Мы выделим людей, которые будут вести для них торговлю. Нас много, и мы знаем здешние земли, что поможет им избежать трудностей. А от них многого не потребуется — лишь справедливая цена.

Договорив, Сяо Жун с улыбкой спросил:

— Как Сыну Будды такой план?

Мицзин промолчал.

«Я думаю, господин Сяо, что вы зря не стали купцом. Это было бы вашим истинным призванием»

<http://bllate.org/book/15355/1423368>